

Кобзон Иосиф

Среди многих его ликов в последнее время утвердился еще и образ такого отечественного Робин Гуда. Чего не может сделать для униженных и оскорбленных государство — то может, в меру своих сил, певец. Благотворительность — в русле заботы о своей популярности? Или искренний душевный порыв? А может, способ «замаливания грехов»?

— Я никогда не подключался ни к каким программам, объявленным государством. Не люблю и всякие выморочные фонды. Единственно, с кем сотрудничаю, это с Лихановым. Когда он обратился ко мне с просьбой поучаствовать в программе «Фронтовые дети Чечни», я сразу согласился. Не потому, что меня связывает нечто конкретное с Северным Кавказом, хотя, конечно, кое-что связывает... Первое мое артистическое звание было получено в Чечне, вернее, в Чечено-Ингушетии... в 1964 году. Когда меня попросили поехать во время войны выступить перед солдатами, учитывая мой опыт в Афганистане, я отказался. Это разные войны, и мое отношение к ним — разное. Я не могу выступать перед солдатами (хоть они и мои родные солдаты Отечества), которые стреляют в свой народ. Мы же говорим о том, что Чечня — это наша территория... А когда закончилась война, я туда поехал. Потому что там остались дети — дети, которые вырастут и которые не простят. Значит, наши дети тоже будут воевать с чеченцами? Это разве не дети России? Когда вся деятельность выливается в какие-то акции, концерты, презентации, — это, конечно, хорошо, это привлекает внимание, но это не конкретная помощь...

— А вы убеждены, что средства, перечисляемые вами, идут на конкретные цели?

— Знаете, было время, когда я сдавал свою премию Ленинского комсомола или Государственную премию СССР в Фонд мира, думая, что делаю большое дело. Я делал глупость. Теперь понял: помогать детям нужно не гостинцами к Новому году, а конкретными делами. Визиты с букетом цветов и кулечком конфет, чтобы погладить ребятшек по головке, никому не нужны. Ведь детдом — это семья. В семье надо и мебель отремонтировать, и крышу починить, и авитаминоз весной случается... Конечно, невозможно помочь сразу всем детям России. Но одному детдому или двум — это уже конкретная помощь. Россия сегодня вся нищая и голодная. Поэтому надо выбрать приоритеты. На мой взгляд, это дети и старики.

— Много фондов — вроде хорошо. Но и настораживает: можно ведь и спекулировать на несчастьях...

— У меня есть объяснение тому, что возникло много фондов — чеченских, афганских... Только мое мнение субъективно. Кто такие «афганцы»? Они повзрослели на целую войну, стали старше. И влились в наше общество, не адапти-

Иосиф КОБЗОН:

ОСТАЛОСЬ ЗАБАСТОВАТЬ ЕЩЕ И ДЕТЯМ

ВОКРУГ ИМЕНИ ЭТОГО ПОПУЛЯРНОГО АРТИСТА ТАК МНОГО КРИВОТОЛКОВ, ЧТО САМ ИОСИФ ДАВИДОВИЧ ГОВОРИТ О СЕБЕ: «МОЖНО ЛЮБИТЬ КОБЗОНА, МОЖНО НЕ ЛЮБИТЬ, НО НЕ ЗНАТЬ ЕГО НЕВОЗМОЖНО»

ровавшись в нем. Многие их воспринимали как людей, которые пришли из мест заключения. Их опасались, не хотели с ними иметь дела. Но они намного чище тех, кто целовался с девушками, когда парни воевали. Естественно, агрессивность росла и со стороны общества, и со стороны «афганцев». Даже появилось такое определение медицинское — «афганский синдром». А сила-то грозная — в одной только 40-й армии было 300 тысяч военных! Вы представьте, сколько народа прошло через эти чистилища? Если собрать в один кулак — будет такая опасность... Вот чтобы не было «кулака», их и разделили и создали российские, СНГовские, районные, областные «союзы ветеранов Афганистана». Разорвали по частям. Фонды «Дети Чечни» вместе — тоже большая сила. И государству спокойнее, когда они разобщены.

Есть у Лиханова Российский детский фонд. Ну понимаете, что такое нищий с претензиями?.. Что такое Альберт, который пытается попасть к премьеру, а тот не принимает, потому что знает, что у него будут просить? А ему нечего дать. Вот если бы все объединились и была бы возможность заявить об этом громко, если бы вывести всех детей на улицу...

— А может быть, фондам невыгодно заявлять о себе громко? Ни для кого не секрет, что некоторые «благотворительные»

организации просто «отмывают» деньги.

— Уже нет льгот, с помощью которых можно было через фонды деньги отмывать. Зато осталось другое. У меня, допустим, коммерческая структура, которая обязана платить налоги. С оборота, с прибыли. В это время проводится телемарафон «Солдаты XX века

миллиона. Все равно пришлось заплатить, но куда? На театр, на благотворительные цели. У вас ощущение, что деньги, не украденные, а заработанные вами, пошли на благородные цели...

— А вы уверены, что участвуете только в благородных делах?

— У меня есть ощущение, что мои деньги пошли на полезное дело.

Я агитирую свои коммерческие организации заниматься благотворительностью — не могу сказать, что они очень довольны, но делают. Вот, например, сюжет, рассказанный мне Александром Любимовым. Один человек-бомж решил уехать куда-то в деревню и организовать там артель для всех страждущих, таких же, как он. Где-то в Иркутской области дали земельку. И он бросил клич: кто хочет, пожалуйста, приезжайте. Начали стекаться люди — опущенные, забытые, злые бывшие. Вместе построили дом, скотный двор, поставили часовенку. Украсили образами. И... начался пожар. Все сгорело, спасти не смогли — воды нет, телефона нет. А они говорят: ну что ж делать, беда она и есть беда, начнем все сначала. Таким людям хочется помогать.

А вообще моя депутатская почта на 99 процентов состоит из просьб о материальной помощи. Помогаю, кому могу, — только адресно.

Или вот приходит охрана и говорит: «Иосиф Давидович, к вам ээк пришел...» Я говорю: почему вы его так называете — «ээк» в тюрьме сидит, а он освобожден. Пропустите.

Приходит человек. Показывает документы — не врет, все абсолютно честно: сколько получил подъемных, билет до Москвы. Ему сказали — доедешь до Москвы, а там сам разбирайся. Что ему делать? Выход один — воровать. Он есть хочет. И доехать до Смоленска ему нужно. Напил я ему 100 граммов и сказал: вот выпей за освобождение, больше не дам. Денег дам на дорогу — пропьешь, сам виноват...

Знаете, люди уже еле терпят такую жизнь. Становятся злыми. Они все время боятся, боятся, что их ударят, оскорбят... Ну что кокетничать: мне приятно и петь для людей, и помогать им — раз есть такая возможность.

**Беседу вела
Галина МАШТАКОВА.**